

«ЧИСТОЕ НЕБО»

В беседе с нашим корреспондентом:
Впечатления участников фестиваля
после просмотра фильма

НИКОЛАЙ РЫБНИКОВ,
кинокритик

Я С БОЛЬШИМ нетерпением ждал последнего фильма Григория Чурака. Понимая, что современная тема — самая скромная в искусстве, Чурак готовился к ней, создавая «Сорос о первом и «Балладу о солдате». Он вплотную подошел к этой теме в «Чистом небе», когда уже стал одним из любимых советских зрителями режиссеров. Я ждал многое, и моя надежда оправдалась. «Чистое небо» явилось ярким свидетельством находившегося нынешнего таланта режиссера, его стремления осветить самые актуальные вопросы нашей жизни.

Герой «Чистого неба» — наши современники. Им выпали на долю тяжелые испытания: война, смерть друзей и родных, неслыханно складывающиеся судьбы. Чурак не боится говорить о тех трудностях и испытаниях, которые выпали на долю не только его героя, но и всех советских людей. Однако режиссер за частностями никогда не упускает глаза. Он показывает, что советский народ всегда вела высокая и блестящая цель — строительство коммунизма. Мужественный оптимизм фильма «Чистое небо» вину в том, что режиссер подводит зрителя к неопровергнутому выводу о конечной победе самых светлых членов и народов нашего народа.

Этот фильм восхищает меня и режиссерским мастерством Чурака. Все, кто его видел, недолго запомнили потрясающую по выразительности сцену на вокзала. Эта сцена — целиком заслуга режиссера, образец высокопрофессиональной работы. Я уверен, что многих в этом фильме введет в учебники как пример настоящего творчества в киноискусстве. Появление «Чистого неба» показывает, что советская кинематография с каждым годом добавляется все новых и новых успехов.

ВИЦКО РАСПОР,
режиссер, директор киношколы,
Югославия

До ПРОСМОТРА «Чистого неба» я слышал высказывания, что новый фильм Чурака слабее «Баллады о солдате». Теперь, посмотрев фильм, я не могу согласиться с такими высказываниями. Может быть, верно, что в «Чистом небе» нет единства стиля. Но гораздо важнее то, что это не только любовь к искусству, но и вспомогательные задачи, которые мы решаем в учебниках как пример настоящего творчества в киноискусстве. Появление «Чистого неба» обладает самоценным художественным достоинством.

Мне кажется, что вообще режиссер Григорий Чурак может сравнить со своим рода ледоколом, взламывающим лиды старых кинематографических представлений. Уже его фильм «Сорок первый» был очень смек по выбору материала. Новый слово было и «Баллада о солдатах». Новое слово говорит «Чистое небо».

СЛЕЗЫ ВИСКОНТИ

ЧЛЕНЫ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ оживленно переговариваются. Они только что вышли из просмотрового зала кинотеатра «Россия», где демонстрировался фильм Григория Чурака «Чистое небо».

Когда мы попросили крупнейшего режиссера современной кинематографии Итальянского Лукино Висконти поделиться своими впечатлениями, он ответил:

— Я член жюри. Я не имею права высказывать свое мнение публично. Но вы видите — я плачу, а это сильные слова. Я в полном восторге от фильма Чурака. Сегодня очень нужны такие произведения, их должны увидеть люди во всем мире...

А тем временем, Джина Лопобриджида, восторженно жмет руку Григорию Чураку:

— Замечательный фильм! Спасибо вам, дорогой Чурак!

— Сцена с поездом совершенно потрясла меня, — говорит актриса Марина Мирник.

— Сегодня она показалась мне немного затянутой, — отвечает Чурак.

— О, нет, несколько не затянута, — возражает Лукино Висконти. — Весь фильм сделан талантливо и взволнованно. Уж если я плачу, можете не сомневаться — фильм попадает в цель.

Режиссер А. Аббас (Индия).

Дружеские шаржи
Г. СИРХАЛАВЫ.

Актрисы Сандж Гани (Иран), Ирина Шверцова (Чехословакия) и Фатем Хамама (Япония) любуются советской столицей.

Кинорежиссер Ю. Солицова (СССР), Кането Синдо, продюсер Созо Оно (Япония).
Фото А. ТРОШИНА.

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА новой картины известного грузинского режиссера Курта Гофмана «Принцессы в замке Шлессарт» — призраки. Тем не менее авторы предусмотрели: «Все образы привидений вымыщены. Всю свое склонность считать случайными. Этот в данном случае иронический тон залог в картине заслуга многозначительности. Жаждя услужить хозяину замка, привидения крадут у принца драгоценности и причиняют ему вспышки. Показывают же эти призраки на коридорах замка в футбол головой одного из них, в то время, как другой ведет репортаж об этом матче. Огромные, звереского вида громилы-телохранители принца, которые выстроились в ряд, вдруг начинают петь английские песни из папской капеллы. Думается, что эта история очерченная историей фантасмагорической карьеры подружки разбогатела, слившейся в начале прошлого века по большим дорогам и становившейся теперь сверхсовременной куртизанкой, подзывающей в самых «высших сферах».

В «Принцессых в замке» К. Гофман остался ярым и оригинальным мастером комедийного жанра. Принцессы, играющие в коридорах замка в футбол головой одного из них, в то время, как другой ведет репортаж об этом матче. Огромные, звереского вида громилы-телохранители принца, которые выстроились в ряд, вдруг начинают петь английские песни из папской капеллы. Думается, что эта история очерченная историей фантасмагорической карьеры подружки разбогатела, слившейся в начале прошлого века по большим дорогам и становившейся теперь сверхсовременной куртизанкой, подзывающей в самых «высших сферах».

Таких комедийных находок в фильме разбросано немало.

Однако, пожалуй, самой яркой

из них является финал — амбициозная, являющаяся в Шлессарте от имени своего правительства завербовать привидения этого замка для дела,

как он сам говорит, «на славу Верхову фон Брауху». И вот

мы видим американскую ракету,

несущую Луку, и знакомые нам лица когда-то замурованных в стенах разбойников в их бойкой сообщине. На них скакивают астронавты. Западногерманские принцессы в американской ракете под звуки бравурной и воинственной

музыки штурмуют Луну.

Смысль этой аллегории при

всей ее неизвестности напоминает из серии размышлений.

Б. НЕДЕЛИН.

бронированием саркофаге [кубический от Шлессарта], после чего в замке начинается такой шабаш, которого никакие привидения не сумели бы учинить, как бы они ни разгулялись. Жаждя услужить хозяину замка, привидения крадут у принца драгоценности и причиняют ему вспышки. Показывают же эти призраки на коридорах замка в футбол головой одного из них, в то время, как другой ведет репортаж об этом матче. Огромные, звереского вида громилы-телохранители

принца, которые выстроились в ряд, вдруг начинают петь английские песни из папской капеллы. Думается, что эта история очерченная историей фантасмагорической карьеры подружки разбогатела, слившейся в начале прошлого века по большим дорогам и становившейся теперь сверхсовременной куртизанкой, подзывающей в самых «высших сферах».

В «Принцессых в замке» К. Гофман остался ярым и оригинальным мастером комедийного жанра. Принцессы, играющие в коридорах замка в футбол головой одного из них, в то время, как другой ведет репортаж об этом матче. Огромные, звереского вида громилы-телохранители

принца, которые выстроились в ряд, вдруг начинают петь английские песни из папской капеллы. Думается, что эта история очерченная историей фантасмагорической карьеры подружки разбогатела, слившейся в начале прошлого века по большим дорогам и становившейся теперь сверхсовременной куртизанкой, подзывающей в самых «высших сферах».

Таких комедийных находок в фильме разбросано немало.

Однако, пожалуй, самой яркой

из них является финал — амбициозная, являющаяся в Шлессарте от имени своего правительства завербовать привидения этого замка для дела,

как он сам говорит, «на славу Верхову фон Брауху». И вот

мы видим американскую ракету,

несущую Луку, и знакомые нам лица когда-то замурованных в стенах разбойников в их бойкой сообщине. На них скакивают астронавты. Западногерманские принцессы в американской ракете под звуки бравурной и воинственной

музыки штурмуют Луну.

Смысль этой аллегории при

всей ее неизвестности напоминает из серии размышлений.

Б. НЕДЕЛИН.

ЕСТЬ ЛИ ПРИЗРАКИ в БОИННЕ

сельским поворотами сатирической темы ощущается печальная усмешка посаженника: неужели же во всей Западной Германии добрая, человеческая, справедливость — лишь притческое.

В «Принцессых в замке» К. Гофман остался ярым и оригинальным мастером комедийного жанра. Принцессы, играющие в коридорах замка в футбол головой одного из них, в то время, как другой ведет репортаж об этом матче. Огромные, звереского вида громилы-телохранители

принца, которые выстроились в ряд, вдруг начинают петь английские песни из папской капеллы. Думается, что эта история очерченная историей фантасмагорической карьеры подружки разбогатела, слившейся в начале прошлого века по большим дорогам и становившейся теперь сверхсовременной куртизанкой, подзывающей в самых «высших сферах».

Таких комедийных находок в фильме разбросано немало.

Однако, пожалуй, самой яркой

из них является финал — амбициозная, являющаяся в Шлессарте от имени своего правительства завербовать привидения этого замка для дела,

как он сам говорит, «на славу Верхову фон Брауху». И вот

мы видим американскую ракету,

несущую Луку, и знакомые нам лица когда-то замурованных в стенах разбойников в их бойкой сообщине. На них скакивают астронавты. Западногерманские принцессы в американской ракете под звуки бравурной и воинственной

музыки штурмуют Луну.

Смысль этой аллегории при

всей ее неизвестности напоминает из серии размышлений.

Б. НЕДЕЛИН.

СЕГОДНЯ

ДЕНЬ ВЕНЕДИТЫЙ фестивали по традиции открывается в Национальной Народно-Демократической Республики Франции. Днем и представитель ЮНЕСКО. Вечером состоятся еще одна пресс-конференция.

После ряда мероприятий, организованных в Мюнхенском государственном университете, в Большом зале Союза работников кинематографии состоится очередной просмотр из цикла «Фильмы», которых мы не видели. Будут показаны «Счастье» (1954 год, режиссер А. Гайденштейн) и «Синхрона» и пастух» (1955 год, режиссер Г. Питерс). Эти две картины из цикла «Фильмы» — первые фильмы, показанные в Большом зале Союза работников кинематографии.

Днем в «России» — конкурсный просмотр фильмов. Вечером будут показаны короткометражные картины: «Песни ГОР» (Демократическая Республика Вьетнам) — о героях в жизни национальных меньшинств; «Синхрона» и пастух» (ГДР) — фильм о жизни фермеров; «Пасха» (СССР) — разнообразные

фильмы из цикла «Фильмы», которые могут показать, что не в силах главное, и главное — в музыкальных номерах и в том, насколько кинематографически они поданы режиссерами.

Вечером, когда речь идет о рено, то не раз сезона нам могут возразить, что не в силах главное, и главное — в музыкальных номерах и в том, насколько кинематографически они поданы режиссерами.

Но картина «Большой концерт» по заявкам не доставила каких-то приятных неожиданностей. Сценаристы д-р Феликс Людвигдорф и Рольф Ольден воспользовались старой фабульной схемой.

Все герои фильма вполне

милы и привлекательны, но уже очень неглубоки и поверхностны в своем отношении к жизни.

Артисты Карлос Томпсон, Лидия Кристин, Эмилда Пард и Ингеборг Шенер отлично справляются со скон-

ченко.

З. СОКОЛОВА,

и роликами в той мере, в которой эту возможность предоставляет им не слишком богатый драматургический материал.

Впрочем, когда речь идет о рено, то не раз сезона нам могут возразить, что не в

силах главное, и главное — в музыкальных номерах и в том, насколько кинематографически они поданы режиссерами.

Однако и здесь нас ожидало разочарование: интересные самы по себе музыкальные номера с хорошими исполнителями поставлены режиссером Артуром-Мария Габенальтом вполне профessionально, но не больше.

В целом о фильме «Большой концерт» по заявкам можно было бы, налево, сказать, что это вполне добродушный коммерческий фильм. Непонятно только, зачем его надо было представлять на творческих форумах кинематографистов.

З. СОКОЛОВА,

и роликами в той мере, в которой эту возможность предоставляет им не слишком богатый драматургический материал.

Вечером, когда речь идет о рено, то не раз сезона нам могут возразить, что не в

силах главное, и главное — в музыкальных номерах и в том, насколько кинематографически они поданы режиссерами.

Но картина «Большой концерт» по заявкам не доставила каких-то приятных неожиданностей. Сценаристы д-р Феликс Людвигдорф и Рольф Ольден воспользовались старой фабульной схемой.

Но картина «Большой концерт» по заявкам не доставила каких-то приятных неожиданностей. Сценаристы д-р Феликс Людвигдорф и Рольф Ольден воспользовались старой фабульной схемой.

Но картина «Большой концерт» по заявкам не доставила каких-то приятных неожиданностей. Сценаристы д-р Феликс Людвигдорф и Рольф Ольден воспользовались старой фабульной схемой.

Но картина «Большой концерт» по заявкам не доставила каких-то приятных неожиданностей. Сценаристы д-р Феликс Людвигдорф и Рольф Ольден воспользовались старой фабульной схемой.

И ЗАВТРА

сного журналиста и драматурга Армана Гатти: действие картины происходит весной 1944 года в концлагере Ташкент. Берег. Основная тема — произведения режиссера Уго дель Карриля — борьба аргентинских фермеров и батраков за свое право на землю.

ТРИНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ фестиваля, как обычно, начинается просе-конференцией. Намечена экскурсия в пионерский лагерь. В малом зале Союза работников кинематографии СССР — просмотр из цикла «Фильмы, которые не видели»: «Кафарда» (1930 год, режиссер М. Чизуэлли) и «Член правительства» (1938 год, режиссеры А. Зархи и Н. Хайнц).

На миниатюрном просмотре будут демонстрироваться два документальных фильма: монгольского «Монголы отца в Улан-Баторе» и итальянского «Все по долгу» (режиссер Луиджи Коминчи, в главной роли Альберто Сорди, Эдуардо Де Филиппо, Карло Гравини).

Завершится тринацатый день фестиваля показом двух художественных фильмов: «Огонь на второй линии фронта» (ДРВ) и «Как молоды мы были...» (Болгария). В «Удирните, дворцы спорта» на других экранах можно будет увидеть голландскую картину «Небесный отряд», французскую «Любовь», австрийскую «Город Коленгаген», красноярскую «Город», фильм «Снайдер в женской гимназии», немецкий (ФРГ) «Привидение в замке Шлесскарте» и другие.

В СЕМЬЯ ДА ЦАТЬ «ЗАГОН» И ЕГО АВТОР

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере. Он начал сценарий, Гатти был автором сценария и пьесы.

Сопротивление было начато в концлагере Ташкенте.

Шрамы на лице и не проходящая боль в груди напоминают до сих пор о том, что пришелся ему пе-

ред.

Предыдущие в фантастичном аду остались незатертые в памяти. Сценарий, который он долгое время вышивал в себе, нико- не позволял ему оторваться от него. Но Арман Гатти не мог на-

чала писать пьесу. Тогда Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента, а затем мастерским способом переписать ее.

Но он боялся. Его

не смогли поймать. Он вымыл и вновь примирился с писанием. Но по-

могло бы закрыться за мной и больше нико-

ни могла не растворить- ся вновь.

Но он боялся. Побег его был тщетен. Его

не смогли поймать. Он вымыл и вновь примирился с писанием. Но по-

могло бы закрыться за мной и больше нико-

ни могла не растворить- ся вновь.

Корреспондент газеты Ассоциации франко-советской прессы Симон Симон и привел от-

туда серию блес-

ящих репортажей и интересную книгу публикации Жана Вилье сыграли в театре Рене Клер. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

В конце концов он

шил кинокритиков.

В ПРЕДДВЕРИИ БОЛЬШИХ УСПЕХОВ

СЕГОДНЯШНЕЕ искусство, если оно хочет служить делу социализма, должно поднимать актуальные проблемы нашей жизни... Но это не только обязанность. Это также волнующая творческая задача. Ведь для художника не может быть большего удовлетворения, чем самое сознание того, что оннес свою ленту в дело, в которое верит, — говорил известный венгерский кинорежиссер Виктор Гертнер на VII съезде Венгерской социалистической рабочей партии. Съезд этот открыл перед литературой и искусством нашей страны новые перспективы.

Ныне у нас есть все основания сказать, что венгерское киноискусство, с тех пор шагнуло вперед. Во всяком случае мы можем с уверенностью смотреть в будущее венгерской кинематографии.

Главной чертой нашего киноискусства сегодня является то, что оно с полной силой обратилось к разработке современной темы, забывшей вместе с тем о необходимости показа прошлого. Большую активную роль сыграли фильмы Мартона Келети «Вечер», «Расставь» и работы других режиссеров. Они помогли партии в борьбе за ликвидацию последствий, порожденных контрольной властью.

Вообще процесс формирования нового человека социалистического общества сказывается на всех фильмах, показываемых венгерскими кинорежиссерами. Сюжеты их отличаются необычайной простотой (не говоря уже о фильмах реалистической направленности), а сюжеты сказочных фильмов — наоборот, сложной и изысканной.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помочь ему. Но Арман Гатти не мог забыть свою сценарий.

Арман Гатти решил написать пьесу о концлагере Ташкента. Он начал сценарий, но не мог снять фильм. Он привлек друзей, чтобы помоч

В ТЕАТРАХ ПРАГИ И БЕРЛИНА

НЫНЕШНИЕ театральные эфиры Праги или Лейпцига, Карловы Вары или Берлина свидетельствуют о большом интересе современного зарубежного театра к русским классическим и советским пьесам. На театральных обильных столицы Чехословакии — «Иркутская история» А. Абруцова и «Закон змийки» Б. Горбатова. В Карловых Варах к юбилею седьмой из старейших чехословацких академий ставится горьковская «Бася Железнова». На сценах театра «Лейпциг» — фотографии сцен из спектаклей «Любовь Яровая» К. Тренева, «Последние» и «Фальшивая монетка» М. Горького. В Лейпцигском театре, где в входе стоит статуя Гете и Шиллера, идет «Вишневый сад», упомянутый в репертуарном перечне рядом с «Элегиями» Гете и «Браненсом» А. 69-го. В Иваново, А в Берлине на сцене театра «Берлинский ансамбль» сохранился инсценировка горьковской «Матери».

«Закон змийки» Б. Горбатова, исполненный в Праге театром, знакомым советским зрителям как «Драма-34», в нем восхищали имя Е. Бурнашовой, идет в постановке режиссера Рудольфа Хемзала под названием «Полярный солдат». Не потому ли возникло это название, что театр хотели подчеркнуть в нем прежде всего ее оптимистический исход? С величением театр рассказывает историю, утверждающую идею коллективизма, мысль о том, что никому не дается права отнять у людей, ставить ими среди них в какое-то особое положение.

Во имя утверждения этой мысли, театр страсти протестует против неправды быта, подчеркивая ее уже при первом появлении нового начальника стойких на эмоции. Кто-то из эмоциональных открыто прятывает свою руку, Бут проходит мимо, даже не замечает этого, и дружески протягивает руку в воздухе... Но Бут — артист Позеф Лангнер — тоскует по дружбе, по сердечному теплу, и это проявляется в привязанности к своему человеку с лицом, словно высеченым из гранита, и маленькой хандрой. Тем разительнее его холодность, черствость по отношению к людям. И тем закономернее осознание на своей вине в финале спектакля после открытия драмы и каждого объяснения с эмоциями.

Форма спектакля строга, лаконична; никакого увлечения артистической экзотикой, детализма нет звонков. Актерам драматизмы, пожалуй, даже черезмер (художник Владимир Низнат). Цель театра — привлечь внимание к актерской игре. Особенно выразительно и внутренне богато исполнение

роли гидролога Елены Мухиной артисткой Вной Зиньковой.

ПРОБЛЕМАМ морали, взаимоотношениям между людьми наших дней посвящен дрезденский спектакль «Иркутская история». Примечательно, что, разыгрывая на сцене сказку о любви и норвежских героях недавно изданного романа французской писательницы Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть!». Об этом прямо говорится в брошюре, выпущенной в спектакле. Для женщин у Саган любовь — наитие, томление, неожиданная, излечивающая вспышка чувства. А Вальмы любили человека, который стал для нее примером, «научив, помог, спас».

И не случайно одно из лучших мест у исполнительницы роли Вальмы на сцене дрезденского театра артистка Лиззи Темпельгоф — диалог с Виктором на берегу реки, разговор, во время которого Вальма убеждается, что чувство Виктора к ней лишило глубины, ответственности, что в их взаимоотношениях нет того «сердечного в любви», о чем она мечтает. Несколько циничных в своей откровенности слова Виктора, и Вальма — Лиззи Темпельгоф как будто вся сжимается. Ясно, что женщина эта устала от своей незадачливой жизни, не удовлетворяющей силы.

Зато в спектакле есть другая достопримечательность.

«Вишневый сад» в Берлине

поставил Йенс-Петер Дирикс, недавно окончивший Московский институт театрального искусства, ученик А. Лобанова и В. Бласкова. Легко уловить в работе молодого режиссера не только самостоятельные поиски решения, но и благородное стремление слilloвать лучшим традициям «Дома Чехова» — Московского Художественного театра. Оно сказывается, в частности, в том, что режиссер сумел в спектакле создать удивительно тональную, проникновенную атмосферу сценического действия, чьим способствуют и декорации Ганса-Мартина Пертела, передающие и прелесты русской природы, своеобразие быта дворянской усадьбы.

Сергей играет артист Дитрих Кернер. Чуть задумчиво — смотрит вокруг — парень — могучий, великан с детским лицом и добрыми глазами. Временами даже кажется, что Сергею-Дитриху Кернеру не достает недородимости взгляда и суждений. Но вот водившийся в этом спектакле «помешанный», что образ Сергея на сцене дрезденского театра имеет определенный замысел: Сергей на дрезденской сцене обрывковый парень нового мира, который, всегда оставаясь простым и скромным, обзораживает и привлекает, завораживает зрителей своей внутренней правотой, чистотой убеждений, помыслов, чувств.

Режиссер Ганс Фишер и художник Герхард Шаде создают в спектакле образ дороги: выйти на сцене дошатый настяник, убегая в глубину свободного сценического пространства... Этот артистический образ помогает театру переплыть смысль «Иркутской истории» — истории человеческого рождения, становления, развития человеческой личности.

Однако подобной художественной обобщенности спектакли достигает не во всем. В частности, подавленной обобщенности находит сцене сказьбы. Эта сцена решена скорее как волшебство вечнушки. Русские пластики и русские наряды нужны режиссёру словно лишь для того, чтобы достичь бытовой достоверности, и не затем, чтобы передать поэтическое содержание сказьбы, которая, по существу, является моментом рождения Вальмы-человека. И плюсик Виктора — артиста Ганса Харда Дау — далека от того

глубокого смысла, который вложил в нее драматург.

Он видел, сознательный отказ от всякой выспренности, отказ, в какой-то мере определяющий художественные взгляды тех артистов дрезденского театра, с которыми довелось беседовать автору этих строк, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в заурядии. Но настаскала же ею изображение обычной жизни — в изображении обычной жизни.

Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то же время распад дворянской культуры, не способной противостоять настаски новой социальной силы — силы демократии. Вальма — артистка Рут Фричель — тоже покорила простотой, а обыкновенностью — в изображении обычной жизни.

Каждый из артистов театра — Лотта Мейер — то волевая, то грустная, обаятельная и легкомысленная, обнаруживает в душевную прелесть человеческой телесности, и в то